

Алеш Бранднер
Брно

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Значения падежей формируются на основе их синтаксических функций в словосочетании и в предложении и являются абстракциями, отвлеченными от этих синтаксических функций. Падеж как носитель значений, отвлеченных от его синтаксических связей и отношений, многозначен. Значения, которые выражаются с помощью формы дательного падежа в современном русском языке, представляют собой пеструю и запутанную картину.

Ежи Курилович определяет дательный падеж как падеж с первичной функцией адвербиальной и вторичной функцией грамматической. В современном русском языке грамматическая функция занимает значительное место в сфере употребления этого падежа (ср. Kuryłowicz 1949).

Дательный падеж наиболее употребителен в сочетаниях с глаголами. Так называемый дательный приглагольный выражает косвенный объект, т.е. лицо или предмет, к которому направляется действие (ср. *купить книгу брату, послать письмо сестре*). Это дательный лица, для которого или в ущерб которому совершается действие. Кроме того, дательный косвенного объекта употребляется с глаголами, выражающими душевные переживания, чувства, направленные на кого-либо или на что-либо (ср. *доверять другу, радоваться успеху*). Объектное значение здесь конкретизируется как значение объекта-адресата. В безличных предложениях дательный падеж может относиться к глаголу или к предикативному наречию, выражающим безличное сказуемое (ср. *Кате не спится, Варьке нездоровится, Цветам холодно, Мне весело*). Дательный падеж в таких конструкциях называет лицо или предмет, который испытывает состояние, обозначаемое сказуемым безличного предложения. Это — дательный падеж субъекта; в нем заключен элемент значения субъекта воспринимающего (ср. Шведова, Лопатин 1990, с. 163).

Мало употребителен в современном русском языке дательный падеж приименный, который не зависит от глагола, а вытекает из способности имени сочетаться с дательным падежом (ср. Zajíčková 1972, 54). Наиболее распространены сочетания, которые соответствуют по значению уже названным глаголам

или являются отглагольными (ср. *доверие новому начальнику, помощь сестре, письмо товарищу, подарок маме*). В безглагольных предложениях дательный приименный относится к главному члену — именительному падежу имени и обозначает лицо или предмет, к которому направлено то, что выражается главным членом (ср. *честь и слава героям, привет родителям*).

Между этими конструкциями во многих случаях не прослеживается логически мотивированная связь (ср. Попова 1980). Изучение истории употребления форм дательного падежа позволяет гипотетически восстанавливать его семантическую историю. Дело в том, что в древнерусском языке сочетания слов и синтаксические связи их в предложении значительно отличались по сравнению с современным языком. Особенно заметны эти отличия в такой синтаксической связи слов, как управление. В процессе развития языка совершились в системе управления изменения в значениях некоторых падежей и предложно-падежных форм, вызванные стремлением языка к большей четкости выражения определенных значений. Суживался объем отношений, выражаемых формами падежей без предлогов (ср. Zajíčková 1972, с. 77).

В отдаленной индоевропейской и праславянской общности падежи без предлогов были значительно более семантическими (т.е. адвербиальными), чем теперь. Десемантизация, т.е. постепенное ослабление конкретных значений, проходила неравномерно у разных падежей, представляя, собственно, их медленную синтаксизацию. Она, между прочим, вызвала с течением времени потребность сигнализировать некоторые конкретные, адвербиальные значения уже не одним только падежом, а падежом + предлогом. Беспредложные формы, таким образом, вытеснялись формами с различными предлогами. Падежи с предлогами, в свою очередь, позднее тоже отчасти лишались конкретизации, и это влияло в качестве одного из факторов на внедрение в языке падежей с произвольными предлогами, передающими одновременно тонкие нюансы адвербиальных отношений. На самом деле происходило сужение объема значений отдельных предлогов, устранение их излишней многозначности, которая нередко создавала нечеткость выражения мысли (ср. Стеценко 1977, с. 97; Mrázek, Popova 1982, с. 91).

Древнейшее значение дательного падежа — пространственное. Он выражал семантику направления. Дательный падеж пространственного существительного обозначал конечный пункт перемещения. Ср.: *А Изяславъ иде Кыеву* (Новг. лет.); *Приде Олегъ из Грекъ Тматороканю* (Пов. вр. лет); *И посла Новугороду по сына своего Костянтина* (Пов. вр. лет); *И придоша же опять Чернигову створиша же миръ со Володимѣромъ* (Пов. вр. лет); *Приде Святополкъ Кыеву* (Пов. вр. лет). Из приведенных примеров следует, что в дательном падеже употреблялись преимущественно названия городов, к которым направлено движение (ср. Иванов, Потиха 1985, с. 146). Дательный беспредложный наиболее часто встречался при аористе *иде*

и *приде* и обозначал как место, к которому направлено движение без захода в него, так и с заходом в него. Известно, что древнеславянские памятники сохранили только остаточные случаи такого употребления, в основном от названий населенных пунктов (ср. Обнорский 1946, с. 56; Правдин 1954, с. 3; Ходова 1963, с. 74; Gallis 1963).

Упомянутые оттенки движения устанавливаются в контекстах. Дательный падеж обозначал место, к которому направлено движение без захода в него. Ср.: *Иде Ярославъ Новгороду* (Пов. вр. лет); *Ярославъ приде Киеву* (Пов. вр. лесwt); *И приде Володимѣрь Киеву съ вои мнози, и не може Ярополкъ стати противу и затворися Киевѣ* (Пов. вр. лет).

Дательный падеж обозначал место, в которое направлено движение с заходом в него. Ср.: *Азь мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву* (Пов. вр. лет); *Поставлен бысть архиепископъ новгородьскыи Гаврила [...]* и *приде Новгороду мѣсяца мая* (Нов. лет.); *И поидоша вся князю на обѣдъ на Городище* (Пов. вр. лет).

В некоторых случаях эти оттенки в значениях дательного падежа направления остаются недифференцированными, ср.: *Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду* (Пов. вр. лет).

Дательный падеж названий городов в значении направления действия встречался и при других глаголах. Ср.: *Аще бо бы перевозникъ Кию, то не бы ходилъ Царюгороду* (Пов. вр. лет); *Бежа Ростиславъ Тмутороканю* (Пов. вр. лет); *И пустиша митрополита Киеву* (Новг. лет.); *На ту ночь ведоша и Бѣлугороду* (Пов. вр. лет); *И посла Изяславъ по воѣ Суздаю и Ростову и по Бѣлужерци* (Пов. вр. лет); *Ходи архиепископъ новгородьскыи Илия Володимѣру* (Нов. лет.); *Всеволодъ же посади намѣстника своего Ратибора Тмутороканю* (Пов. вр. лет); *Глѣбъ же вниде Черниговъ* (Пов. вр. лет).

Кроме собственных названий населенных пунктов беспредложный дательный падеж изредка встречался при нарицательных именах. Ср.: *Идете съ данью домови, а я возвращюся* (Пов. вр. лет); *А остаткъ бьеных тѣхъ бежаще дружинѣ своеи* (Пов. вр. лет); *И отпусти я домови вся* (Новг. лет.). В современном русском языке остатки былого употребления беспредложного дательного падежа отражаются в наречии *домой* (ср. *пришел домой*; форма *домой* восходит к дательному падежу основ на *-и*: им. *домъ* — дат. *домови*).

Употребление беспредложного дательного падежа для обозначения места, куда направлено действие, было стилистически ограничено. Эти конструкции употреблялись главным образом в летописях и почти совсем они неизвестны языку деловой письменности (ср. Стеценко 1977, с. 100).

В исторический период беспредложный дательный падеж конечного пункта был полностью вытеснен конструкцией дательного падежа с предлогом *к*, которая указывает конечный пункт без захода объекта в него (ср. *приехать к городу*), и конструкцией винительного падежа с предлогом *в*, которая

указывает конечный пункт с заходом объекта в него (ср. *приехать в город*). Уже в древнерусских текстах нередко вместо дательного беспредложного встречаются предложно-падежные конструкции. Ср.: *Первое къ Ростову идохъ* (Пов. вр. лет); *И потомъ къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба* (Пов. вр. лет); *И паки изъ Смолинска же пришедь въ Переяслявль* (Пов. вр. лет); *Володимѣръ вниде въ Киевъ* (Пов. вр. лет). Уже в памятниках второй половины XIII в. и особенно в XIV в. дательный с предлогом *къ* не составлял исключения, а в отдельных памятниках (в частности, в грамотах) и господствовал. В XV в. он был уже обычным явлением (ср. Борковский, Кузнецов 1963, с. 433–434).

На основе приведенных данных можно с уверенностью восстанавливать древнеславянское употребление формы дательного падежа без предлога в значении конечного пункта перемещения. Это значение могло мотивировать употребление дательного объекта различных действий, предполагающих мысленное «касание», мысленное достижение некоторого объекта. Речь идет о т. наз. дательном «внутреннего переживания», широко распространенном в древнерусском языке. Сюда относятся конструкции с дательным падежом для обозначения предмета или лица, к которому направлено внутреннее переживание субъекта действия. Ср.: *Да тобѣ ся надеемъ* («надеемся на тебя»); *Посмѣется ему* («над ним»); *Нача ей негодовати* («на нее»). В современном языке такой дательный употребляется лишь в некоторых глаголах неопределенного значения (ср. *улыбаться ребенку, нравиться учителю, льстить начальнику, следовать советам врача, подражать в игре известному артисту, принадлежать: книга принадлежит библиотеке; учить мальчика вежливости, завидовать сослуживцу, радоваться достижениям современной науки, быть равным кому-нибудь в чем-нибудь: он равен Алехину в шахматной игре; быть подобным чему: талант, подобный таланту Гоголя; быть тождественный чему: мнение, тождественное прежнему; быть аналогичным чему: ваше решение аналогично нашему и др.*).

После утраты дательного в пространственном значении мотивировка значения объекта мысленного достижения была забыта (ср. Попова 1980). Дательный объекта подражания, эмоционального стремления, обучения стал немотивированным и начал подвергаться воздействиям со стороны синонимичных и более ясных по семантике предложно-падежных форм (ср. *ревновать чему: ревновать успехам окружающих — ревновать к чему: ревновать жену к ее работе; принадлежать кому: земля принадлежит народу — принадлежать к кому: принадлежать к передовым борцам за свободу; следовать кому: следовать примеру старших — следовать за чем: одна колонка следует за другой и т.д.*). Тем не менее большая группа глаголов сохранила сочетаемость с дательным падежом объекта «мысленного касания».

В глубокую древность уходит употребление дательного падежа при глаголе *давать* и его синонимиях. В значении глагола *давать* «добровольно лишать

себя чего-либо, перемещая предмет в пространстве в сторону получателя — конечного пункта перемещения» имеется общий с пространственным значением семантический признак — конечный пункт перемещения (ср. *давать мальчику свежие яблоки*). Наличие общего семантического признака у дательного пространственного и у дательного получателя делает семантически оправданным перенос формы дательного падежа в позицию после глагола *давать*. В этом значении дательный падеж закрепился и сохранился, но после утраты пространственного дательного его мотивировка исчезла. Дательный после глагола *давать* стал осознаваться как первичная форма, что сказалось и в названии этой падежной формы. Значение «получателя» расширилось. Дательный получил распространение после глаголов информации, передачи, волеизъявления (ср. *говорить родителям, писать матери, велеть учителю кончить занятия, приказать солдату отнести пакет, запретить сыну курить, служить родине, помогать больному, мешать соседу, чинить крышу сестре* и т.д.). Дательный стал обозначать получателя результата действия (ср. *сварить мужу обед, приготовить детям завтрак, убрать больному комнату, спеть публике популярную песню*).

Необычными с современной точки зрения являются примеры, которые Зинаида Попова (1980) называет конструкциями с дательным «теряющего лица» (ср. *отрезана ему нога*), так как исходное значение получателя в этих случаях развивается в антонимическое.

Создавшаяся перегрузка дательного «получателя» порождала неясность его значения и вызвала необходимость использования уточнителей разного рода. В значении «теряющего лица» стала употребляться конструкция *у + родительный падеж* (ср. *у него отрезана нога*). Для целевой семантики при обозначении получателя результатов действия была привлечена форма *для + родительный падеж* (ср. *купить для детей, вредный для здоровья*). Форма *для + родительный падеж* засвидетельствована уже в древнерусском языке, ср.: *Кто поиметь злообразну жену приатка дѣля или тестя дѣля богата* (Мол. Дан. Зат.). Там, где «получатель» фактически совпал с субъектом действия (ср. *Мне холодно, Это нам годится, Мне вспоминается эпизод, Ребенку хотелось спать, Ей это понравилось*), появились синонимические связи с личными активными конструкциями (ср. *Ему хотелось уйти — Он хотел уйти, Ребенку хотелось спать — Ребенок хотел спать, Мне вспоминается эпизод — Я вспоминаю эпизод*). Эти связи привели к разрыву значений субъектных форм дательного падежа со значением получателя. Образовались, таким образом, конструкции простого предложения с дательным субъекта, который представлен в вышеприведенных безличных предложениях. Он не претерпел в истории языка никаких изменений. Особенно широко представлен он в инфинитивных безличных предложениях типа *Мне траву косить*. Одним из последствий употребления дательного падежа «получателя» предикативных

актов стало и появление десемантизованных частиц в форме дательного падежа, выполняющих роль усилителя эмоционального выражения (ср. *Ты мне смотри, Я тебе говорю*).

Из сказанного следует, что в результате утраты прямого пространственного значения формы дательного падежа в современном русском языке функционируют три основных вида этой формы:

- 1) остатки бывшего пространственного употребления дательного падежа (объект «мысленного касания»);
- 2) употребление дательного с общим значением получателя;
- 3) употребление дательного в качестве конструкции простого предложения с общим значением субъекта действия.

В древнерусском языке употреблялся беспредложный дательный падеж, названный Алексеем Шахматовым «дательный заинтересованного лица» (ср. Шахматов 1941, с. 339). Дательным падежом обозначалось лицо, в интересах которого совершалось глагольное действие (ср. Mgrázek, Popova 1982, с. 89). Ср.: *Отець ти умерль* (Пов. вр. лет); *Святополкъ сѣдитъ ти Кыеве* (Пов. вр. лет); *Луче бы ми сде умрѣти* (Пов. вр. лет); *Что ми шумить, что ми звенить далече пред зорями?* (Мол. Дан. Зат.). В дальнейшем употребление беспредложного падежа для обозначения заинтересованного лица сокращалось. Его можно лишь в редких случаях встретить в современном русском языке, например, в пословицах и в устойчивых словосочетаниях, ср. *А он себе и в ус не дует, А он себе идет* и т.д. На месте бывших конструкций с дательным заинтересованного лица была привлечена форма *у + родительный падеж* (ср. *Отець ти умерль > У тебя умер отец*).

При именах существительных, обозначающих процесс действия, дательный падеж беспредложный указывал на субъект или объект действия. Ср.: *Очима управление, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубление, помысль чистъ имѣти* (Пов. вр. лет); *Поругание черницамъ и попадьямъ и добрымъ женамъ и дѣвицамъ* (Нов. лет.); *Не огонь творить ражжение желѣзу* (Мол. Дан. Зат.).

К числу приименных падежей относится дательный падеж принадлежности. В памятниках древнерусской письменности он встречается сравнительно редко. Ср.: *Се имена воеводам* (Пов. вр. лет); *Копье летѣ сквозѣ уши коневы и удари въ ноги коневы* (Пов. вр. лет); *Быть очи ему яко неврежесе* (Пов. вр. лет); *Ржа ѣсть желѣзо, а печаль умъ человекку* (Мол. Дан. Зат.). Эта конструкция рано исчезла из живого языка. Чаще употреблялись родительный принадлежности и притяжательные прилагательные, которые получали все большее распространение. Случаи с дательным принадлежности встречаются в памятниках XVII–XVIII вв. Однако количество примеров колеблется в зависимости от жанра памятника: в произведениях, близких разговорному языку, их немного (ср. Борковский, Кузнецов 1963, с. 4341; Янович 1986, с. 257).

Вместе с тем формы дательного падежа в процессе истории русского языка переживали переосмысление, выступая для выражения не столько атрибутивных, сколько объектных значений, например, у Михаила Лермонтова: *Полковник наш рожден был хватом, Слуга царю, отец солдатам*. Из последнего примера следует, что дательный принадлежности можно найти еще в литературном языке первых десятилетий XIX в. Отчасти это было под влиянием церковнославянского языка, отчасти как результат аналогичного перенесения присказуемой (преимущественно адъективной) конструкции в другие положения. Связь дательного со сказуемыми оборотами дает этому старинному способу выражения своеобразную окраску предикативности и заметно большей динамичности (ср. Булаховский 1954, с. 373–375). Ср.: *В Истории Государства Российского [...] можно найти многие примѣры счастливому разнообразию в перестановке прилагательных* (Вяземск.); *Не могу скрыть этого важного обстоятельства, как вѣрный историк и покорный слуга истинѣ* (Бестуж.-Марлинск.); *Я его спросил, как мѣсту этому названье* (Лерм.).

Практику литературного языка того времени характеризует указание Николая Греча (1840, 200–201): «Определительный родительный падеж заменяется дательным, когда определяемое существительное означает предмет, находящийся с другими в отношении родства, дружбы, обладания, приязни, неприязни, причины, например: *друг брату, слуга человеку, Он мне зять, хвала богам, Я не виноват твоей беде*. Но это употребляется тогда только, когда определяемое имя употреблено в падеже именительном, при косвенных же падежах оставляется родительный падеж: *Он увидел друга своего брата, Коня называют слугою человека*. Дательный падеж употребляется и в значении отношения части к целому: *ростись книгам, счет людям, цена местам*».

На месте дательного принадлежности в современном языке выступает родительный с тем же значением, или винительный с предлогом *на*. Однако употребление дательного падежа сохранилось до сих пор лишь в некоторых конструкциях, ср.: *список книгам, цена золоту, цены билетам* (но и: *цены на муку*), *ростись книгам* (но и: *ростись книг*), *реестр бумагам* (но и: *реестр бумаг*), *он сын ему, он мне друг, памятник Пушкину* и т.п.

Так в процессе развития синтаксических средств выражение значения принадлежности сосредоточивалось в формах родительного приименного, а значение косвенного объекта нашло выражение в форме дательного приименного.

Особо стояла конструкция с т. наз. дательным самостоятельным. Эту конструкцию рекомендовал употреблять Михаил Ломоносов. Возможно, она не была принадлежностью собственно древнерусского языка, однако, будучи заимствована из церковнославянских памятников, получила она

значительное распространение в древнерусской письменности и сохранилась в повествовательной прозе еще в XVII–XVIII вв. Конструкция с дательным самостоятельным представляла собой сочетание дательного падежа существительного или личного местоимения с согласованным с ним в роде, числе и падеже причастием (как правило, действительного залога), выполняющим функцию, близкую к функции глагольного сказуемого. Служила она для конденсации сложного предложения. Такое сочетание употреблялось для обозначения причины или времени действия (реже условия или уступления), и поэтому в современном языке оборот дательный самостоятельный может быть передан причинным или временным придаточным предложением. Ср.: *Князю помогающю, все идет на ладь* «Когда князь помогает...» (Пов. вр. лет); *Умножившимся братьи в печерѣ и помыслиши поставити внѣ печеры манастырь* «Так как братва умножилась...» (Пов. вр. лет); *Ярославу суццю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутокараня Киеву* «Когда был Ярослав в Новгороде...» (Пов. вр. лет); *И пришедъшу ему Киеву и пребывъшу 4 лѣта на 5 лѣто помяну конь* «Когда он пришел в Киев и пробыл там четыре года, на пятый год вспомнил о коне» (Пов. вр. лет.); *И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ* «И, помолившись, он лег на свое ложе» (Пов. вр. лет). Если в состав оборота входило причастие настоящего времени, оно обозначало действие, одновременное с действием глагольного сказуемого. Причастие прошедшего времени обозначало действие, предшествующее действию глагола (ср. Борковский, Кузнецов 1963, с. 445–446).

В памятниках деловой письменности, отражающих живую разговорную речь, «дательный самостоятельный» не употреблялся. Из этого следует, что этот оборот, видимо, не принадлежал синтаксической системе собственно древнерусского языка. В последующей истории языка употребление этой конструкции постепенно сокращалось и к концу XVII в. в основном прекратилось. Ломоносов в своей *Российской грамматике* (1757, § 468), жалея о его гибели, приводит пример *Бывишу мнѣ на морѣ, восстала сильная буря*. Пережиточно сохранившийся в литературных памятниках XVIII в. «дательный самостоятельный» воспринимался уже как архаизм. Такой оборот можно встретить, например, в *Путешествии из Петербурга в Москву* (1790) Александра Радищева: *Едуцу мнѣ из Едрова, Анюта из мысли моей не уходила* «Когда я ехал из Едрова...». Предполагается, что процесс отмирания этой конструкции в русском языке был связан с переходом именных действительных причастий в дееспричастия (ср. Стеценко, 1977, с. 128).

Цитируемые древнерусские источники

- Моление Даниила Заточника*. В кн.: *Памятники Древней Руси: XII век*. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Москва: Художественная литература 1980, с. 389–401.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Под ред. А. Н. Насонова. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР 1950.
- Повесть временных лет по Лаврентьевской рукописи 1377 г. Часть первая*. Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перец. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР 1950.

Литература

- А. А. Булаховский: *Русский литературный язык первой половины XIX века*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР 1954.
- Н. И. Груч: *Чтения о русском языке Николая Греча. Часть вторая*. Санкт-Петербург 1840.
- В. В. Иванов, З. А. Потиха: *Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе*. Москва: «Просвещение» 1985.
- С. П. Обнорский: *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР 1946.
- З. Д. Попова: *Из семантической истории дательного падежа*. В кн.: *Сравнительно-исторические исследования русского языка*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета 1980, с. 48–53.
- А. Б. Правдин: *Значение дательного падежа в древнерусском языке (XII–XVII вв.)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: АН СССР 1954.
- А. Н. Стеценко: *Исторический синтаксис русского языка*. Москва: «Высшая школа» 1977.
- К. И. Ходова: *Система падежей старославянского языка*. Москва: АН СССР 1963.
- А. А. Шахматов: *Синтаксис русского языка*. Ленинград: «Учпедгиз» 1941.
- Русская грамматика*. Ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. Изд. 2-е, исправленное. Москва: «Русский язык» 1990.
- A. Gallis: *Дательный падеж направления в славянских языках*. ScSl 9 (1963), с. 104–122.
- R. Jakobson: *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*. TCLP 6 (1936), с. 240–288.
- J. Kuryłowicz: *Le problème du classement des cas*. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego» IX. Kraków 1949, с. 20–43.
- R. Mrázek, G. V. Popova: *Historický vývoj ruštiny*. Praha: Skriptum. SPN 1982.
- J. Zajíčková.: *Дательный беспредложный в современном русском литературном языке*. Praha: Univerzita Karlova 1972.

Aleš Brandner

HISTORYCZNE ASPEKTY SEMANTYKI CELOWNIKA

Streszczenie

W artykule przedstawiono historię użycia form celownika, która pozwala hipotetycznie odtworzyć kształtowanie się jego semantyki. Szczególną uwagę zwrócono uwagę na jego najstarsze znaczenie — przestrzenne.

Autor konstatuje, że w wyniku utraty znaczenia przestrzennego, przypadek ten we współczesnym języku rosyjskim funkcjonuje jako:

— celownik z pozostałościami dawnego użycia przestrzennego (obiekt „myślowego dotknięcia”);

— celownik z ogólnym znaczeniem adresata;

— celownik jako konstrukcja zdania prostego z ogólnym znaczeniem agensa.

Oprócz rysu historycznego, przytoczono przykłady znaczeń form celownika we współczesnym języku rosyjskim, które tworzą barwny i jednocześnie zagmatwany obraz tego przypadku.

Aleš Brandner

HISTORICAL SEMANTIC FEATURES OF THE DATIVE IN RUSSIAN

Summary

Semantic meaning, which is expressed in contemporary Russian by means of dative constructions, represents a very varied and complex subject. Historical study of the dative form's use enables us to hypothesise their original semantics.

In old Russian, the connection between words and their syntactical placement in a sentence was different in comparison with the situation in present day language. Particularly noticeable are differences in syntactical constructions such as (verbal) governance. The nominative form's role in a sentence is the function of the subject and nominal predicate. Indirect cases most often express the object and less often the adverbial, and with the noun, function as an attribute. Thus indirect cases determined by a verb, and indirect cases which are dependant on a noun, adjective and numeral, are distinguished.

Throughout the historical development of Russian there were essential changes in the system of (verbal) governance and the meanings of some of the simple and prepositional cases have changed. These changes have come about due to a general tendency of the language to become more specific by attempting to express the exact meaning. The scope of relationships expressed by simple cases, cases without prepositions, and non-prepositional cases decreased. Non-prepositional cases were replaced by constructions with various prepositions. At the same time the semantics of each preposition were reduced, mainly their polysemy, which was the cause of many a misinterpretation in expression.

Specific examples of general statements are given in the article.